

Юлия Караваева
Иркутск новогодний

Иркутский
областной Совет
профессиональных
союзов
ПРИГЛАШАЕТ ТЕБЯ
НА
НОВОГОДНЮЮ
ЁЛКУ

Юлия Караваева
Иркутск новогодний

«Издательские решения»

Караваева Ю.

Иркутск новогодний / Ю. Караваева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-937701-2

Книга представляет собой первый опыт по систематизации многочисленного разрозненного материала о праздновании Нового года в Иркутске и Иркутской области с 19 века по 60-е года 20 века. Издание не научный труд, а сборник любопытных заметок, которые будут интересны широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-44-937701-2

© Караваева Ю.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
«Не угодно ли с вертепом?»	7
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Иркутск новогодний

Юлия Караваева

© Юлия Караваева, 2018

ISBN 978-5-4493-7701-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Я очень люблю Новый год, это идет от моей мамы, Татьяны Владимировны Сергеевой. До сих пор помню тот вечер, когда мне было лет пять, а она приехала поздно вечером с ворохом серебряной бумаги от чая и елочными флажками. Мы сидели в темноте, и рассматривали это богатство. Флажки были необыкновенные, и почти каждый рисунок я запомнила, и сейчас могу воспроизвести в памяти все цвета, оттенки и сюжеты. До сих пор хранится у нас дедушкина «вертушка» – приспособление для вращения ёлки, которую дед Владимир Кузьмич Переломов, собрал сам. И она до сих пор крутит ёлку, хотя дедушки давно нет, а этому устройству уже, наверное, больше 60 лет. Потому все, что касалось Нового года, всегда вызывало во мне ощущение, что детство где-то тут, сказка никуда не исчезает, даже когда тебе уже далеко не пять лет, а восемь раз по пять.

Сюжеты для книжки были найдены в базе данных периодики «Хроники Приангарья» Иркутской областной государственной универсальной научной библиотеки им. И. И. Молчанова-Сибирского. Подборки «новогодних анекдотов» я делала для статей в газету «Восточно-Сибирская правда», которая никогда не отказывалась печатать материалы, имеющие явно локально-краеведческий вкус. За что спасибо главному редактору Александру Владимировичу Гимельштейну.

Частично статьи вошли в книгу неизменными кусками, частично – были дополнены и расширены новыми находками. Это не научная работа, а скорее журналистская попытка восстановить картину празднования Рождества и Нового года в Иркутске и немного – в Иркутской губернии, в 19—20 веках, до 1960-х годов. Естественно, найденные сведения не полны, а опора только на газетные источники делает картинку несколько «невзаправдашной». Но я думаю, вся история Нового года – это история рождения и ухода в небытие самых разных мифов. И пусть здесь будет такой, «газетный» Новый год. С вкраплениями воспоминаний.

Из книжки вы узнаете, кто зажег в Иркутске первый рождественский пудинг... Как тысячи человек штурмовали Общественное собрание на маскарадах, куда летел «Черепашко-жабль», сколько свежих гиацинтов высаживали в лютой иркутский мороз к Рождеству, как к Новому году во Дворце пионеров днями и ночами вышивали огромный портрет Сталина... Ёлка жила и живет сказками и историями. Их в этой книжке – как игрушек на ёлке.

«Не угодно ли с вертепом?»

На иркутских улицах уже темно, редко-редко покажется прохожий, мороз, снег... Ставни всюду закрыты, и тут с улицы слышится: «Тук-тук!». «Кто там?» «Не угодно ли с вертепом?». И начинались переговоры взрослых через ставни: «А сколько кукол?» – «Кукол пятьдесят, шестьдесят, одних чертей четыре штуки. Да скрипка притом, а после вертепа комедия будет». И голоса ребятишек: «Пустите, пустите, пожалуйста!», и страх – а вдруг маменьке покажется, дорого, и она отправит вертеп восвояси. По воспоминаниям жившей в Иркутске писательницы Екатерины Авдеевой-Полевой, в самом начале 19 века такие сценки на святки были обычным делом для иркутян. В «Записках и замечаниях о Сибири», вышедших в 1837 году, Авдеева-Полевая рассказывала, как чудесные «ящики о двух ярусах» путешествовали из дома в дом. На маленькой игрушечной сцене разыгрывались рождественские представления.

Двухярусные вертепы обычно были украшены разноцветными бумагами, вспоминал иркутянин Иван Калашников (в «Записках иркутского жителя» он описал Иркутск с начала 19 столетия, вплоть до 1823 года, когда сам покинул Сибирь). «Между ярусами находилось пустое пространство настолько, сколько было нужно, чтобы просунуть туда руку для вывода кукол, утвержденных на палочке...», – рассказывал он. В верхнем ярусе обычно представляли поклонение пастырей и волхвов при рождении Христа, бегство в Египет, Крещение.

Звезда из вызолоченной бумаги предшествовала выходу волхвов, сцены сопровождалась пением хора. В нижнем ярусе разыгрывались сцены, связанные с историей Ирода. Включая похищение его души злым духом и отправку ее в ад в виде змеиной головы. «Когда приближалась смерть к Ироду, придворный докладывал ему: «Ваше Величество, скоро смерть будет!». Ирод бесился, вскакивал с трона...», – вспоминал Калашников. Конец Ирода сопровождался даже взрывом ракеты – она была привязана к животу куклы, чертенок поджигал ее и она с треском лопалась. Обязательной была пляска Иродианы, дочери Ирода. Исполняла она только почему-то русские плясовые под русскую же песню.

«Куклы одеты бывали царями, барынями, и вертепы важивали и нашивали семинаристы и приказные по улицам в святочные вечера...», – писал брат Екатерины Авдеевой-Полевой, журналист, драматург Николай Алексеевич Полевой, родившийся в Иркутске, и живший в нашем городе до 1811 года. Для иркутян, не имевших театра, не заведших еще «благородных домашних спектаклей», вертеп и был тем самым театром, рассказывал Николай Полевой. «Боже мой! С каким, бывало, нетерпением ждем мы святок и вертепа! С наступлением вечера, когда решено «пустить вертеп», мы, бывало, сидим у окошка и кричим от восторга, чуть только в ставень застучат...», – писал он в 1840 году в статье «Мои воспоминания о русском театре и русской драматургии. Письма к Ф.В.Булгарину». Его сестра Екатерина Авдеева-Полевая рассказывала, что обычно с вертепом бродили мальчишки, иногда к ним присоединялся и скрипач, что было предметом особой гордости. «В Иркутске были двое слепых, которые играли на скрипке, и утешали не одно поколение», – вспоминала писательница. Иван Калашников помнил, что иногда вертеп сопровождали гарнизонные или казацкие певчие. «Замечательно, что все напевы были польские: одни на манер мазурок, другие – польских. Из этого можно заключить, что вертепы завезены из Польши, или еще вернее, из Киева», – писал старожил Иркутска. Польский, или малороссийский след был виден и в водевилях, что иногда давали после вертепа: часто разыгрывали сценку, когда слуга издевался над глупым и тщеславным шляхтой.

Воспоминания брата и сестры Полевых, Ивана Калашникова – крошечное окошко, открывающее нам рождественский, святочный быт иркутян первой половины 19 века. Конечно, праздник в это время был далек от светских развлечений. Иркутяне чинно постились в Рождество «до первой звезды». В Рождество обязательны были заутреня и обедня, потом

семьи шли с поздравлениями к родителям, на второй день – к старшим родственникам. В первые три дня дети ходили «славить Христа», выучивали «рацейки» (колядки). «Еще было обыкновение печь из ржаной муки ягнят и овечек, иногда и пастуха. Все это давали в гостинцы детям», – вспоминала Авдеева-Полевая. В святочные дни девочкам не давали играть кукол, говорили, что «шиликун» их утащит (шиликун или шуликун – разновидность «святочной нечисти»).

Девушки запасали лучинки для гаданий. «В Сибири большие охотницы ворожить, и много рассказывают чудес, кому что виделось», – писала Авдеева-Полевая. Она упоминала святочные игры, в которые играли в Иркутске, и которые были принесены в Сибирь русскими: и подблюдные песни, и игра «хоронить золото», и курилку, и имальцы (жмурки). Гадания на святки могли закончиться и нервными болезнями, поскольку девушки свято верили в совершившееся. Со святками были связаны и бесконечные истории о том, как на святках было предсказано девицам их будущее, которое в точности сбылось. Эти обычаи, принесенные из России, в Сибири еще долго сохранялись в «самобытной простоте», когда уже в других местах страны их встретить было трудно, вспоминала Авдеева-Полевая.

Всеволод Вагин в записках «Сороковые года в Иркутске» подтверждает: в первой половине 19 века в Иркутске еще сильны были народные, святочные обычаи. Он вспоминал, как это было в его времена: «Группы замаскированных ездили из дома в дом и придавали святочным вечерам еще более оживления». Однако к концу сороковых годов святочные игры практически повсеместно заменила французская кадрили. «И прежняя оригинальность святочных вечеров исчезла. Ёлки, впрочем, еще не были в обычае», – замечает Вагин.

Интересный рассказ о том, как праздновался Новый год в сибирских городах в конце 1840- начале 1850 годов оставила англичанка Люси Аткинсон, супруга британского путешественника Томаса Аткинсона. Томас Аткинсон в 1840—1850 годах совершил опаснейшее путешествие по Сибири, Монголии и Центральной Азии. Две зимы семья путешественников вместе с маленьким сыном жила в Иркутске. Вернувшись на родину, Люси Аткинсон написала книгу «Воспоминания о Татарских степях и их жителях: Письма из Барнаула 1848—1853 гг.». В мае 1851 года в письме она упомянула, что встречала Рождество в Иркутске, жаль, что рассказ был очень скуп. Люси сообщала другу, что писать в общем не о чем, разве что попытаться увидеть какой-то контраст между «правильным английским Рождеством», и тем, что происходит в Иркутске. Путешественница выучила в Иркутске много русских танцев, которые, вероятно, и стали ее развлечением в рождественские дни. Люси до отъезда в Сибирь была гувернанткой в доме М.Н Муравьева в Санкт-Петербурге, брата декабриста А. Н. Муравьева, и конечно, в Иркутске тесно общалась с местной элитой и декабристами.

В письме из Барнаула в январе 1853 года англичанка дала довольно интересное описание типичного сибирского новогоднего бала, который в те годы устраивал «начальник», губернатор во дворянском собрании. «Это действительно красивое и радостное зрелище, блестящее собрание, полное радости, люди поздравляют друг друга, когда колокола звонят о приходе Нового года, – писала она. – В минуту, когда наступает Новый год, в бокалы разливается шампанское, и все целуются. Новый год – это грандиозное событие в России, в эти дни идет не прекращающийся обмен визитами». Люси сумела блеснуть на рождественских вечерах нарядами, которые заказывала из Санкт-Петербурга. Англичанка изумляла сибирячек тем, что неизменно выходила на рождественские балы с украшением из живых цветов. В одном из писем из Барнаула она жаловалась, что в городе на очередной бал нельзя было достать цветов... И со вздохом вспоминала Иркутск, где «мисс Баснин», супруга купца Василия Баснина, державшего большую оранжерею, всегда присылала ей свежие цветы всякий раз, когда Аткинсон желала выйти в общество.

Мы не знаем, ставила ли Люси Аткинсон для своего сына в Иркутске ёлку, но одна любопытная деталь известна точно: в 1851 году в Иркутске был зажжен первый рождественский

пудинг по английскому обычаю. Случилось это, правда, не совсем в Рождество, а на балу в честь дня рождения сына путешественников, трехлетнего Алатау. Он родился 4 ноября 1848 года, однако когда точно было празднование, Люси в письме не указывает. Дети танцевали и веселились под музыкальную шкатулку. На ужин был настоящий сюрприз, стемнело, зажгли свечи, и зал внесли настоящий рождественский пудинг. «Вы можете представить, как расширились глаза малышей, когда они увидели, как пудинг вспыхнул в комнате! – писала Люси. – Это произвело грандиозный эффект, но вкус пудинга скорее оценили взрослые, чем малыши. Это был первый сливовый пудинг, изготовленный в Иркутске». На следующий день у Люси Аткинсон были взрослые визитеры, которые пришли отведать рождественский пудинг, и они очень сожалели, что не видели великолепного зрелища – как он был зажжен.

Откуда в Иркутске впервые узнали об обычае обмениваться на Рождество и Новый год подарками и ставить рождественскую ёлку? Рассказы привозили гости, путешественники... Но главное – книги и газеты. Купец Василий Николаевич Баснин, к примеру, имел большое собрание газет и журналов, которое до наших дней не дожило. Анна Григорьевна Боннер в книге «Бесценные сокровища» (1979 г.), упоминает о том, что в библиотеке Баснина были комплекты журналов и газет за разные годы, но впоследствии их след затерялся. В письме 1869 года Василий Баснин сетовал, что его книги, прибывшие из Иркутска, были завернуты в три номера газеты «Северная пчела» за 1844 год. Значит, подшивками «Северной пчелы» он дорожил. А ведь именно через эту газету с начала 1830-х годов начала формироваться европейская мода на новогоднюю атрибутику и обмен подарками. В конце 1833 года газета писала о том, что в книжном магазине Смирдина на Невском появилась детская книжка «Городок в табакерке, сказка дедушки Ириней». И ее газета предлагала в качестве подарка детям к Рождеству. В качестве «приятнейшего подарка детям на Новый год» в 1834 году газета объявила «Детскую книжку на 1835 год» В. Бурнашева. Обзор детских книжек к Рождеству был на передовице «Северной пчелы» вплоть до 1840 годов. А в самом конце 1839 года на первой странице появилась заметка «Праздничные подарки», где впервые были упомянуты рождественские ёлки. Не может быть, чтобы в Иркутске, в семьях, читавших «Северную пчелу», пропустили такую новинку, и ничего не знали о ёлках. Праздничное дерево пришло в Россию именно через кондитерские. Поначалу кондитеры просто торговали милыми сюрпризами к празднику, вводя французскую моду на обмен новогодними безделушками. Известные санкт-петербургские кондитеры Беранже и Вольф в 1839 году в изобилии выкладывали затейливые праздничные сюрпризы, однако такую новинку, как рождественские ёлки можно было увидеть только в двух петербургских кондитерских: заведении господина Доминика на Невском проспекте в доме Петровской церкви и кафе Пфейфера на том же Невском. «Ёлки прелестно убраны и изукрашены фонариками, гирляндами, венками, барельефными изображениями», – писала «Северная пчела».

Спустя год, в декабре 1840 года в «Северной пчеле» появилась еще одна замечательная заметка о ёлках: «Кондитерские подарки празднику». Здесь уже обычай заявлен как устоявшийся: «Мы переняли у добрых немцев детский праздник, в канун празднования Рождества Христова: Weihnachtsbaum. Деревцо, освященное фонариками, или свечками, увешанное конфетами, плодами, игрушками, книгами, составляет отраду детей, которым прежде уже говорено было, что за хорошее поведение и прилежание в праздник появится внезапное награждение». У Доминика, Палера и Пфейфера можно было уже купить елочку ценой от 20 до 200 рублей ассигнациями. У Пфейфера добрым маменькам, которые шли покупать детские игрушки, сласти, ёлки предлагались с транспарантами и китайскими фонарями, на грунте, усеянном цветами. А господин Вольф, своих елок не имея, торговал механическими куклами, много было в кондитерских картонажных сюрпризов, продавалась и книжка «Райская птичка» с прелестными политапажными картинками. «Книжечка не более конфекта, превосходно напечатана, премило переплетена, а продается по полтине серебром». Газеты назы-

вали ее «первым опытом так называемых «конфетных изданий». В 1841 году газета вновь напомнила читателям о ёлке, подробно разъясняя, как и благодаря какому народу появился обычай ставить ель. «Какая радость, когда двери в комнате, после долгого ожидания, растворяются, и детки вбегают, с трепетным сердцем, в это заповедно жилище! Все взоры устремлены на светлую ёлку...», – это уже 1842 год. «Без ёлки нет в семействе праздника», – констатировала газета в 1843 году и... отправляла в кондитерские. В этом же году вышла «премилая детская книжечка «Ёлка». В конце 1846 года «Северная пчела» звала в кондитерскую Иллера на Невском, где можно было заказать «какую угодно ёлку, и даже такую богатую, какой никогда не видывали в бережливой Германии, где ёлки выдуманы».

Первое обнаруженное в иркутских газетах упоминание елок относится к 1861 году, однако ёлки в иркутских домах появились, очевидно, много раньше. У иркутян был обычай бывать другу у друга в гостях, «устраивая там святочные вечера, святочные игры, ёлки и проч», сообщали «Иркутские губернские ведомости» в 1861 году. Значит, установка рождественских деревьев в домах иркутян в 1861 году была уже не редкостью. И обычай появился ранее. Но когда? Это достоверно не известно.

7 января 1852 года в Санкт-Петербурге в здании Екатерингофского вокзала была установлена первая общественная ёлка, и иркутяне наверняка были наслышаны об этом событии. Но если говорить об иркутских ёлках, речь, видимо, шла все же о домах интеллигенции и купечества. В 1858 году в «Иркутских губернских ведомостях» был напечатан список книг, которые продавались в только что открывшейся частной библиотеке для чтения Протопопова (позже перешедшей в руки Михаила Шестунова). Это была вторая частная библиотека в городе. «Библиотека Шестунова явилась вместе с тем и клубом, и центром демократических, оппозиционных элементов в Иркутске», – писал в книге «Сибирские страницы» Марк Азадовский. В библиотеке Протопопова можно было купить и великолепно изданные детские книги. И среди них – «Ёлка», выходных данных по ней нет, но есть указание, что издана она в типографии М. О. Вольфа. Значит, по крайней мере, в 1858 году иркутяне уже были знакомы со знаменитой русской азбукой Анны Михайловны Дараган под названием «Ёлка», впервые увидевшей свет в 1846 году. Эта книга была задумана как подарок детям на Рождество, и по ней, судя по всему, многие маленькие иркутяне из состоятельных семейств впервые узнали о том, что существует на свете рождественская ёлка. «Слушай внимательно, что здесь рассказано про ёлку, – таким текстом завершалась азбука. – Зимой все деревья без листьев. Одна ёлка остается зелена. В праздник Рождества Христова умным, добрым, послушным детям дарят ёлку. На ёлку вешают конфеты, груши, яблоки, золоченые орехи, пряники и дарят это добрым детям. Кругом ёлки будут гореть свечи голубые, красные, зеленые и белые. Под ёлкой, на большом столе, накрытом белой скатертью, будут лежать разные игрушки. Солдаты, барабан, лошадки для мальчиков, а для девочек коробка с кухонной посудой, рабочий ящичек и кукла с настоящими волосами, в белом платье и с соломенной шляпой на голове». Весьма вероятно, что в домах иркутской интеллигенции и купечества эта книга появилась раньше, чем в 1858 году. Трудно представить, что в семье Басниных, к примеру, не знали о такой книге, а их многочисленные столичные знакомые, не рассказывали им о светской новинке – установке ёлки на Рождество.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.